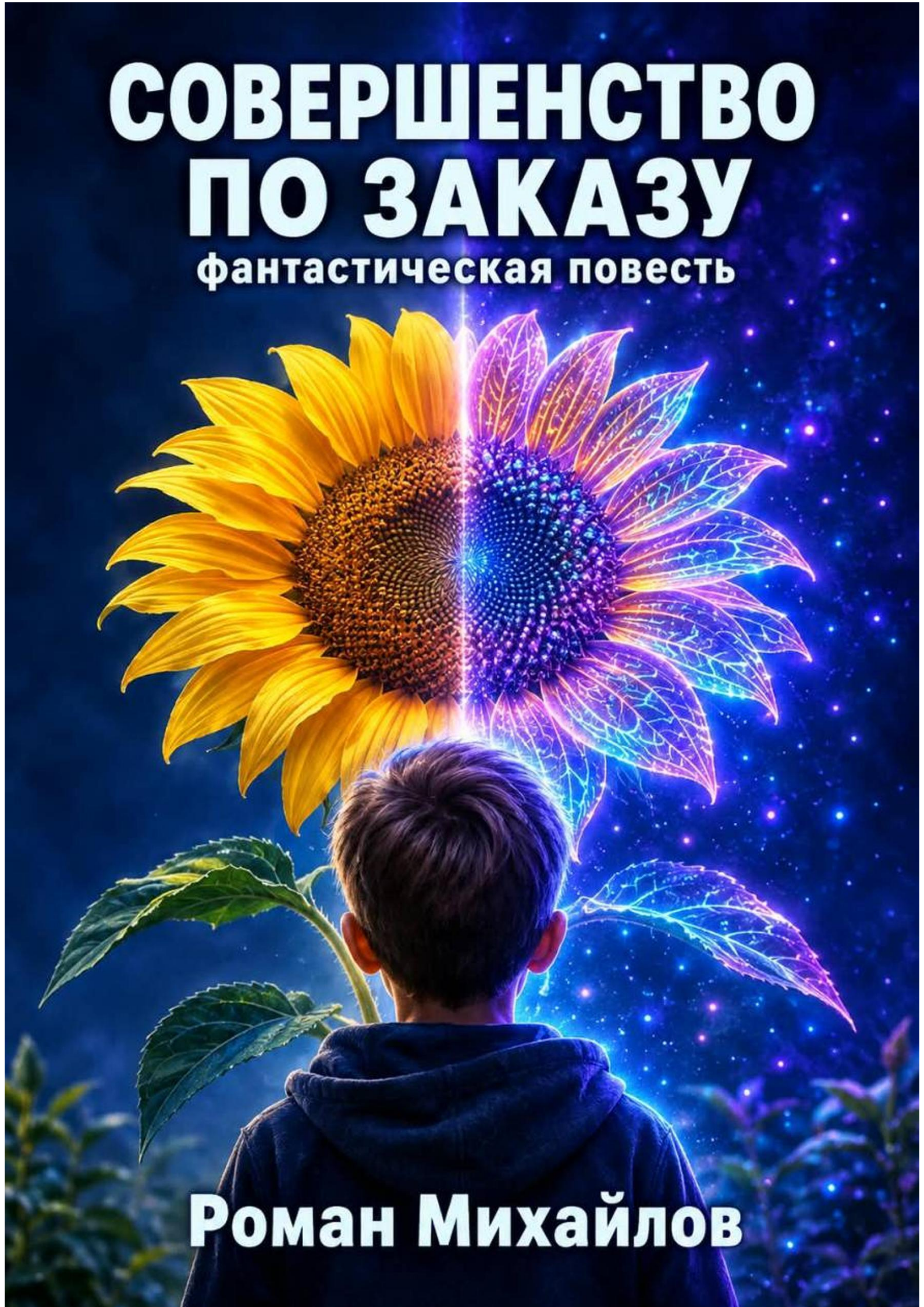
СОВЕРШЕНСТВО ПО ЗАКАЗУ

фантастическая повесть

Роман Михайлов

Роман Михайлов

Совершенство по заказу

«Автор»
2026

Михайлов Р.

Совершенство по заказу / Р. Михайлов — «Автор», 2026

В мире недалёкого будущего генетика защищает детей от болезней ещё до рождения. Андрей и Елена Воронцовы хотели лишь одного: чтобы их сын не повторил судьбу матери Елены, умершей от наследственной болезни сердца. Но из-за ошибки алгоритма Максим видит то, чего не видят другие. Дар это или брак?Родители требуют ответа от корпорации «Геномика». Адвокат Артём Левин защищает интересы могущественного клиента, но чем глубже он вникает в дело, тем труднее отделить профессиональный долг от собственного понимания справедливости.Разбирательство ведёт искусственный интеллект Фемида, способная проанализировать миллионы фактов, но не уверенная, что в них заключено всё о человеке.Это история о цене научного прогресса и ответственности тех, кто вмешивается в природу.Что делать с человеком, которого создали лучше, а он оказался просто другим?

© Михайлов Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1. Заказ 5
2. Узоры 10
3. Три варианта 14
4. Поручение 18
5 22
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Роман Михайлов
Совершенство по заказу

1. Заказ

Консультационная комната клиники «Геномики» совсем не походила на торговый зал. Здесь не было ни витрин с образцами, ни глянцевых буклетов, ни менеджеров с планшетами наготове. Низкий стол, мягкие кресла, в углу бесшумно работал кофейный синтезатор. Большое окно давало ровный дневной свет: когда из-за облаков выглядывало солнце, стекло само чуть темнело, словно щурилось за гостей.

Елена присела на край кресла и так и не откинулась на спинку. На коленях она держала бумажную фотографию, из тех, что давно никто не печатает. Женщина лет пятидесяти смеётся, прикрывая глаза ладонью от солнца. Мать Елены. Она умерла в пятьдесят два года от болезни сердца, которая передавалась в их семье по женской линии, как цвет глаз или форма пальцев.

Андрей сидел иначе, по-хозяйски, подавшись к столу. Над столешницей висел перечень допустимых вмешательств: прозрачные строки, которые он вытягивал пальцем и поворачивал к себе. Андрей двадцать лет рассчитывал надёжность инженерных сетей и привык, что у любой системы есть спецификация, а у любой неисправности есть причина, которую можно найти и устранить. Сейчас он читал перечень с тем же выражением лица, с каким читал техзадания.

Консультанта звали Марина. Ей было около сорока, и держалась она так спокойно, словно сама давно решила все вопросы, которые обычно приводят людей в такие комнаты.

— Сразу скажу то, что мы говорим каждой семье, — начала она. — Закон допускает не всё. Только то, что лежит в пределах человеческой нормы. Мы не создаём сверхлюдей. Мы убираем то, что причиняет страдание, и усиливаем то, что у человека и так есть.

— А если очень хорошо заплатить? — спросил Андрей, не поднимая головы.

— Тогда мы вежливо проводим вас до двери. Это не политика компании, это закон. Весь перечень перед вами, и за его пределы мы не выходим. Ни за какие деньги.

Андрей кивнул. Ответ ему понравился.

— Давайте по порядку, — сказала Марина.

Она не расхваливала программу. Она просто разворачивала пункт за пунктом, и каждый занимал своё место в воздухе над столом, аккуратный, как строка в отчёте.

Отсутствие известных наследственных патологий. Елена чуть заметно сжала фотографию, но промолчала.

Высокая устойчивость к инфекциям. «Ваш сын не будет болеть так, как болели вы в детстве. Простуды останутся, но детские инфекции перестанут быть событием».

Оптимизированная работа нервной системы: меньше тревожности, быстрее восстановление после стресса.

Повышенные показатели интеллекта. Практически безошибочная долговременная память.

— Нам не нужен гений, — сказал Андрей, подняв глаза. — Я хочу, чтобы это было понятно.

— Понятно, — улыбнулась Марина. — Таких слов мы слышим больше, чем вы думаете. Родители редко приходят за гением. Чаще они приходят, чтобы ребёнок просто мог не бояться за собственную голову.

— Нам нужно, чтобы ему было легче жить, — тихо сказала Елена. — Чтобы он не болел. Чтобы потом, когда ему будет страшно или трудно, он не расплачивался за то, чего не выбирал.

Марина посмотрела на неё внимательнее.

— Это хорошая формулировка. Если хотите, мы запишем её в карточку программы.

— Не надо, — сказала Елена. — Просто пусть так и будет.

Последним пунктом шло зрение и слух: улучшенные показатели в пределах нормы. Строка вспыхнула и развернулась в пять подпунктов.

— Зрительный модуль — самая тонкая часть программы, — пояснила Марина. — Его собирают отдельно и дольше остальных.

— Почему? — спросил Андрей.

— Глаз — это не просто камера. Это выход мозга наружу. Он всё время разговаривает с корой. Ошибиться здесь можно в мелочи, а получится большая разница.

— И как вы проверяете?

— Каждый заказанный параметр проверяется отдельно, после рождения. Независимая экспертиза выдаёт заключение о соответствии. Вы получаете документ, где напротив каждой строки написано: «соответствует» или «не соответствует».

— И много «не соответствует»?

— За десять лет у нас не было ни одного серьёзного нарушения, — сказала Марина. — Мы этим гордимся, но не хвастаемся. В нашем деле хвастаться нельзя.

Андрей снова кивнул. Спецификация, проверка, заключение. Ему хватало этого, чтобы чувствовать твёрдую землю под ногами.

Елена хотела спросить что-то ещё, но не нашла слов.

* * *

Договор оказался длинным. Он развернулся над столом, страница за страницей, как ленточная диаграмма. Андрей пролистал половину, привычно задерживаясь на цифрах и приложениях.

— Прочитай, — сказала Елена.

— Я читаю.

— Ты смотришь на таблицы.

— В таблицах и написано всё важное.

Марина терпеливо ждала.

— Обратите внимание на раздел шестой, — сказала она. — Всех это сначала удивляет.

Андрей остановился. В разделе стояло: «Стороны признают, что результатом оказания услуги не является товар. Будущий ребёнок сохраняет все права личности, предусмотренные законом, и не рассматривается как предмет договора».

— Это формальность? — спросил он.

— Это принцип, — ответила Марина. — Вы покупаете не ребёнка. Вы заказываете медицинскую помощь для него, пока он ещё не может заказать её сам.

Андрей хмыкнул, подумал и пошёл дальше. В его мире такие пункты назывались «защитой от дурака»: без неё подписать можно, а с ней спокойнее.

А Елена задержала взгляд на последних словах.

— Подождите, — сказала она. — «Сохраняет все права личности». Это значит… он потом сможет сказать, что мы за него решили?

Марина не отвела глаз.

— Сможет. Закон так и предполагает. Вы принимаете решение за него, но не вместо него. И когда он вырастет, это решение можно будет обсуждать, оспаривать и даже осуждать. Мы не прячем этого от родителей.

— Хорошо, — сказала Елена. — Мне нужно было это услышать.

Андрей посмотрел на неё удивлённо. Но спорить не стал.

Они подписали договор биометрией: Андрей приложил ладонь к панели на столе, Елена задержала взгляд на считывателе чуть дольше, чем нужно. Над столом, где только что висел текст, на миг вспыхнула золотистая печать. Потом погасла.

— Поздравляю, — сказала Марина. — Теперь начинается самое долгое. Ожидание.

* * *

Домой они ехали в беспилотном такси. Андрей считал сроки: этапы подготовки, окна по датам, контрольные точки. Елена смотрела в окно. Стекло само регулировало прозрачность, и город то проступал в полную силу, то затягивался мягкой дымкой.

— Ты довольна? — спросил Андрей.

— Не знаю, — честно ответила она. — Мне страшно.

— Чего?

— Того, что мы всё выбрали правильно, а он окажется не таким, как мы думали.

Андрей усмехнулся и накрыл её руку своей.

— Лена, мы выбрали здоровье. Тут не может быть сюрпризов.

Она ничего не ответила. Фотография лежала в сумке, и Елена чувствовала её сквозь ткань, как маленькое тёплое пятно.

Дом встретил их голосом:

— Добрый вечер. На кухне ужин, температура в гостиной двадцать два градуса, освещение — вечерний режим.

Кухня выглядела как всегда: на стене мерцали ряды зелени, их «садовая стена». Базилик, мята, кинза, мелисса росли в вертикальных кассетах под лампами, и от ламп по кухне разливался едва заметный сиреневый отсвет. Елена любила это свечение. Оно напоминало ей вечер в деревне, когда день уже закончился, а ночь ещё не началась.

Она провела ладонью по листьям базилика.

— Будет мальчик, — сказала она.

— Мы же знали, — улыбнулся Андрей.

— Знать — одно. Сказать вслух — другое.

Она вынула из кассеты веточку мяты и вдохнула запах.

— Максим, — произнесла она. — Хорошее имя?

— Хорошее, — сказал Андрей. — Только пока его не проверили на устойчивость к перегрузкам.

Она засмеялась. Это был первый её смех за весь день.

Поздно вечером, когда Андрей ушёл в кабинет считать графики, она осталась на кухне одна. Достала из сумки фотографию и поставила её, прислонив к кассете с базиликом. Лиловатый свет лёг на смеющееся лицо матери и сделал его живее.

— Мама просила меня не рожать, — сказала она вслух, ни к кому не обращаясь. — Говорила: зачем тебе это. Ты же знаешь, что передастся.

Дом услышал голос и вежливо уточнил:

— Елена, я не расслышал команду. Повторить?

— Нет, — ответила она. — Это не тебе.

Дом замолчал, и Елена была ему благодарна. Она долго смотрела на снимок, потом тихо добавила:

— А я всё-таки рожу. И он будет здоров. Слышишь?

Мать, разумеется, не ответила. Она продолжала смеяться, щурясь от солнца, которое давно закатилось.

* * *

Весь срок Елена носила ребёнка сама. Клиника предлагала искусственную утробу: дешевле, спокойнее, полностью контролируемо, с ежедневной картой развития и тревожным оповещением на любое отклонение. Многие семьи выбирали именно её, и никто не считал это чем-то сомнительным.

— Я хочу сама, — сказала Елена.

Андрей не стал спорить. Он видел, что за этим решением стоит не страх и не принцип, а что-то более простое и сильное. Ей нужно было быть первой, кто почувствует, как он шевельнётся.

Роды прошли в той же клинике, спокойно, почти буднично, как проходят дела, к которым долго готовились. Мальчик закричал громко и сердито. Елена засмеялась и заплакала одновременно.

— Здравствуй, Максим, — сказала она.

Через три дня Андрей получил заключение. Независимая экспертиза уместила его на одной странице: шесть строк, шесть значков. Напротив каждой строки стояло слово «соответствует».

Андрей перечитал таблицу дважды. Потом достал из ящика стола старый бумажный блокнот, в котором он когда-то записывал расчёты, и аккуратно вписал дату. Он, человек спецификаций, держал в руках документ, в котором всё сошлось. Ему захотелось позвонить кому-нибудь и сказать, что всё получилось. Но звонить было некому, и он просто сидел, улыбаясь самому себе.

Елена в таблицу не смотрела. Она смотрела на сына.

Первые годы Максима ничем не отличались от жизни других детей. Он ел, спал, ползал, падал, ревел из-за пустяков и смеялся из-за других пустяков. Умный дом подстраивал под него температуру и влажность, вечером смягчал свет, ночью включал неяркий тёплый ночник. Кухня-синтезатор печатала ему кашу с правильным составом и неправильной улыбкой на тарелке. Елена иногда вместо этого варила суп сама, и тогда дом деликатно мигал: «Рекомендация: профиль питания. Хотите продолжить?» — «Хочу», — отвечала она и ставила кастрюлю на плиту.

Единственное, что Елена отметила про себя, но не сочла важным: ещё не научившись ходить, Максим мог часами лежать на ковре и смотреть на садовую стену. Он тянул к листьям руки и смеялся, а когда его уносили, начинал сердито кряхтеть.

— Любит зелёное, — решил Андрей.

На плановом осмотре педиатр развела руками: зрительные реакции отличные, лучше возрастной нормы.

— Как и заказывали, — добавила она с улыбкой.

Елена улыбнулась в ответ. Ей и в голову не пришло спросить, на что именно так подолгу смотрит её сын.

Однажды вечером, когда Максиму не было ещё и года, Андрей остановился у дверей детской. Ребёнок спал, раскинув руки, ресницы лежали на щеках тёмными полукружиями. Ночник мягко светил у стены, больше ничего.

— Всё получилось, — сказал Андрей тихо.

— Не говори так, — шёпотом ответила Елена. — Ещё рано.

— Почему?

— Потому что мы ещё не знаем, каким он вырастет.

Андрей хотел возразить, но промолчал. Он смотрел на сына и думал о том, что на этот раз спецификация сработала.

В доме было тихо, и ничто в нём не светилось сверх положенного.

2. Узоры

Первый раз он сказал это в три года.

Елена стояла у кухонной стены и срезала мяту к чаю, а Максим сидел на высоком стульчике и болтал ногами. Вдруг он замолчал, вытянул руку и серьёзно сказал:

— Светится.

— Что светится, зайка?

— Листики.

— Это лампочки, — объяснила Елена, не оборачиваясь. — Они светят, чтобы травка росла.

Максим подумал над ответом. Потом помотал головой, как человек, которого не убедили, но который решил не спорить.

— Не лампочки. Листики.

Елена рассмеялась и поцеловала его в макушку. Вечером она рассказала об этом Андрею, и тот тоже засмеялся: у сына богатая фантазия, это нормально, в этом возрасте они видят львов в шкафу и разговаривают с чашками. Фразу записали в тетрадь, куда Елена заносила все смешные детские слова. Между «папа-зайка» и «дождь выключили» появилась строчка: «листики светятся».

Через год она перечитала эту тетрадь и удивилась, как много подобных записей накопилось. Но тогда, на кухне, она ничего не заметила.

* * *

В пять лет Максим перестал любить солнце.

Началось незаметно. Он стал неохотно выходить на площадку в ясную погоду, цеплялся за мамину руку и прятал лицо в её куртку. Он просил надеть шапку даже летом. В детском саду воспитательница, Анна Борисовна, пожаловалась, что мальчик отказывается играть во дворе, если светит солнце, и садится на скамейку под навесом, зажмурившись.

— Он здоров? — спросила она осторожно. — Просто обычно дети рвутся на улицу.

— Здоров, — ответила Елена. — Он у нас под наблюдением.

Эти слова звучали как заклинание, и она сама в них верила.

Потом появились головные боли. Максим жаловался на них странно, будто объяснял иностранцу: «Здесь много». Что много, он не уточнял. Часто просил выключить свет в комнате, но когда свет выключали, лежал в темноте с открытыми глазами и не спал.

Умный дом старался помочь. Он фиксировал освещённость, подбирал нормативный тёплый спектр, плавно гасил лампы к вечеру. Каждый раз, когда Максим плакал в детской, дом вежливо сообщал на панели у кровати: «Освещение скорректировано до нормы. Дискомфорт не зафиксирован». Андрей, читая эти строки на планшете, говорил: «Система показывает, что всё в порядке». Елена смотрела на сына, который сжимал виски ладошками, и молчала.

Было ещё кое-что, о чём она не сказала бы вслух. Максим не любил кухню по вечерам. Входил, постоял на пороге, пятился назад. «Там слишком много», — говорил он. Андрей решил, что мальчика раздражают запахи, синтезатор иногда шумел при печати, и такое бывает. Лампы над садовой стеной включались в положенный час, как всегда, и никому не пришло в голову подумать о них.

Единственным способом, которым Максим умел объяснить, что с ним происходит, были рисунки. Он рисовал по вечерам, сидя на полу в гостиной: листья, цветы, траву. Только листья

у него были странные: с тонкими светлыми полосками вдоль жилок, с крошечными точками по краям. Однажды Елена спросила, что это.

— Узоры, — сказал он.

— Какие?

— Которые на самом деле.

Елена приколола рисунок магнитом к холодильнику, рядом с остальными. Она подумала: какой серьёзный ребёнок. Какой странный и милый.

* * *

Это случилось в апреле, в воскресенье. Они гуляли в парке недалеко от дома, день выдался солнечный, и Максим шёл медленно, глядя себе под ноги, в большой панаме, которую Елена надела на него силой.

Они дошли до старой липы у пруда. Максим остановился, поднял голову и надолго замолчал.

— Мам.

— Что, милый?

— Почему листья на деревьях разные?

Елена огляделась. Липа как липа, молодая листва, зелёная и чуть влажная от весны.

— В каком смысле, Максим?

— Ну, разные. Вот этот, —он показал на ветку над головой, — с полосками. А этот с точками. А вон тот совсем гладкий и даже не светится.

— Все листья одинаковые, — мягко сказала Елена. — Они просто на солнце по-разному блестят.

Максим посмотрел на неё долгим взглядом. В этом взгляде было что-то, чего Елена не могла понять и что потом ещё много раз видела во сне: не обида и не упрёк, а удивление. Так смотрят на человека, который не видит очевидного.

— Но они не блестят, — сказал он. — Они светятся.

Елена хотела ответить что-то привычное, но слова застряли. Она вспомнила кухню. Тетрадь. «Листики светятся». Холодок прошёл по спине.

— Покажи мне, — сказала она. — Где?

Максим поднял руку. Потом опустил.

— Ты всё равно не увидишь, — сказал он без грусти, просто как факт.

Она присела перед ним на корточки и взяла его за плечи.

— Максим, — сказала она. — Ты давно это видишь?

— Всегда, — ответил он.

* * *

Врачей в их жизни стало слишком много, и сначала Елена пыталась вести счёт, а потом перестала.

Педиатр. Невролог. Детский психолог, которая час играла с Максимом в кубики и сказала, что ребёнок нормальный, просто чуткий. Офтальмолог, проверивший зрение на всех возможных таблицах и выдавший заключение, что оно «значительно превышает возрастную норму». Нейрофизиолог, прикрепивший к голове Максима паутину датчиков и записавший его реакции на световые вспышки. Томограф, шумный, как гром, и Максим в нём, сжавший зубы и не заплакавший ни разу.

Все они говорили одно и то же, разными словами: с ребёнком всё в порядке. Андрей слушал, кивал, получал отчёты и складывал их в папку. Каждый новый документ говорил, что отклонений нет. В какой-то момент он перестал это выдерживать.

— Если всё в порядке, — сказал он однажды вечером, — почему он плачет по ночам?

Ответа у Елены не было.

Была ночь в конце мая.

Елена проснулась от звука, которого не могла сразу определить: тихий, тонкий, похожий на скулёж. Она встала, босая, прошла по коридору. В детской было темно. Максим сидел на кровати, обхватив колени, и плакал, не громко, а так, как плачут люди, у которых давно закончились силы.

— Зайка, что случилось?

— Не могу выключить.

— Что выключить?

— Свет, — он поднял на неё мокрое лицо. — Я его не могу выключить. Даже когда закрываю глаза.

Елена села рядом и обняла его. Он дрожал.

— Дом, — сказала она тихо. — Выключи всё.

— Освещение отсутствует, — ответил дом ровным голосом. — Уровень освещённости в комнате: ноль целых одна сотая люкса. Дискомфорт не зафиксирован.

— Мама, — прошептал Максим, уткнувшись ей в плечо, — оно внутри.

Она укачивала его, как маленького, долго, пока дыхание не выровнялось. В дверях появился Андрей, без слов, в тёмной футболке. Он стоял, прислонившись к косяку, и смотрел на них. По его лицу было видно, что он не понимает.

— Я слышала, — сказала Елена тихо, когда Максим уснул. — Когда ему было три года. Он говорил. Я записала в тетрадь, как смешное.

— Лена…

— Я слышала и не услышала.

Андрей сел на пол рядом с кроватью. Он ничего не ответил. Положил ладонь на её колено, и они просидели так до рассвета, в комнате, где не было света, кроме того, которого они не видели.

* * *

Расширенную диагностику назначил нейроофтальмолог, пожилой, неторопливый человек с тяжёлыми руками и фамилией, которую Елена так и не запомнила. Он провёл с Максимом три часа. Показывал ему разные карточки, включал разные лампы, спрашивал: «А так? А вот так?» Лампы были тёмные, почти чёрные, из тех, что называют «чёрным светом».

Максим отвечал сначала осторожно, потом всё смелее. Когда доктор повернул переключатель, мальчик вскрикнул и закрыл лицо ладонями.

— Слишком ярко?

— Слишком, — выдохнул Максим. — А у вас там ничего нет. Почему?

Доктор молча выключил лампу. Потом долго смотрел на мальчика, не как на пациента, а скорее так, как смотрят на редкое явление природы.

Через неделю он пригласил родителей.

— Я скажу сразу, — начал он, когда они сели, — что ничего страшного у вашего сына нет. Я не нашёл ни воспаления, ни дегенерации, ни опухоли. Зрение у него превосходное. Но я думаю, что вам стоит связаться с теми, кто занимался его проектированием.

— Зачем? — спросил Андрей.

— Потому что я полагаю, что мальчик воспринимает диапазон, которого у нормального человека нет. Ближний ультрафиолет. Хрусталик его не отсекает, а в сетчатке, судя по реакциям, есть дополнительный механизм. Мне нужен генетический анализ, и я не вправе делать его сам.

— Это болезнь? — спросила Елена.

— Нет.

— Это можно вылечить?

— Это не болезнь, — повторил он мягко, но твёрдо. — Это дополнительная способность. Организм ребёнка просто не успевает с ней справляться.

Андрей откинулся на спинку стула.

— То есть он здоров.

— Он здоров, — кивнул врач. — И ему плохо. Я понимаю, что это звучит нелогично.

Елена опустила глаза на сумку, где лежала папка с отчётами. Все эти листы говорили одно: отклонений нет. Все эти листы были правдой. Ей вдруг захотелось, чтобы там нашлась хоть одна строка, хоть какой-нибудь диагноз, за который можно было бы ухватиться, хоть одно слово, которому можно было бы сказать: «Вот с этим мы будем бороться».

Слова не было. Была только странная, нечеловеческая формула: здоров и страдает.

Андрей достал планшет и, не дожидаясь, пока они выйдут из кабинета, набрал номер клиники. Ответили сразу, голосом вежливым и ровным, как у домашней системы:

— Клиника «Геномики», слушаю вас.

Он глубоко вздохнул.

— Мне нужен главный врач. Или тот, кто отвечает за программу Воронцовых. Это срочно. Скажите ему: с нашим сыном что-то не так, и вы это знаете.

Он нажал отбой. В кабинете было тихо. Доктор смотрел в окно, где лежал яркий летний день. Он не включал ни штор, ни стекла: просто стоял, зажмурившись от солнца, как человек, который вдруг понял, как мало значат его собственные глаза.

3. Три варианта

Переговорная «Геномики» была устроена так, чтобы никто не чувствовал себя проигравшим: круглый стол без головы и без хвоста, одинаковые кресла, на стенах спокойные пейзажи, которые время от времени медленно менялись. Андрей отметил это сразу и сразу же разозлился. Ему показалось, что комната разговаривает с ним заранее подготовленными словами.

Напротив сидели двое. Леонид Артурович Кравец, директор по правовым вопросам, был человеком среднего роста и среднего возраста, с гладким, ничего не выражающим лицом, и говорил так, словно каждую фразу заранее проверил на устойчивость. Рядом с ним молчала женщина с усталыми серыми глазами и тонкими пальцами, которыми она то и дело проводила по краю стола. Её представили как Нину Аркадьевну Сомову, главного генетика компании.

— Прежде всего, мы хотели бы выразить вам сочувствие, — начал Кравец. — Мы понимаем, как тяжело вам пришлось.

— Давайте без этого, — сказал Андрей.

— Как скажете. — Кравец кивнул, будто ждал именно такой реакции. — Тогда по существу. Внутренняя проверка подтвердила, что у вашего сына имеется дополнительная особенность, не предусмотренная программой. Причиной стала ошибка алгоритма при сборке зрительного модуля. Мы признаём техническое отклонение.

— Вы признаёте ошибку, — сказал Андрей.

— Мы признаём техническое отклонение, — повторил Кравец тем же ровным голосом. — Юридическую квалификацию, разумеется, оставим тем, кто для этого предназначен. Но я хочу подчеркнуть: все заказанные вами характеристики реализованы безупречно. Независимая экспертиза подтвердила это в день рождения.

— Заказанные, — тихо сказала Елена.

— Простите?

— Вы сказали «заказанные». Значит, остальные никто не проверял.

Кравец чуть наклонил голову, как человек, которому задали неудобный, но ожидаемый вопрос.

— Экспертиза проверяет соответствие программе, — сказал он. — Такова процедура.

Сомова на мгновение подняла глаза и тут же опустила.

— Давайте к делу. — Андрей положил ладони на стол. — Что вы предлагаете?

Кравец развернул над столом три полупрозрачные панели.

— Мы подготовили три варианта.

Первый: наблюдение и постепенная нейроадаптация. Мозг ребёнка пластичен, и по предварительным прогнозам в течение нескольких лет дискомфорт может существенно уменьшиться. Все расходы на наблюдение берёт на себя компания.

Второй: экспериментальная генетическая коррекция. Она позволяет устранить дополнительную особенность, но сопряжена с риском повреждения других модификаций, в том числе тех, что были реализованы успешно.

Третий: компенсационная терапия, которая помогает снизить сенсорную нагрузку, но не устраняет саму особенность.

— Второй, — сказал Андрей.

— Это экспериментальная процедура, — осторожно начал Кравец.

— Второй. Исправьте то, что вы натворили.

— Андрей Николаевич…

— Вы сами сказали: ошибка. Ваша ошибка. Вы её и исправляете. За свой счёт.

Кравец помолчал. Потом аккуратно, почти ласково, сказал:

— Компания не может провести коррекцию за свой счёт.

В комнате стало тихо. Пейзаж на стене сменился: вместо моря появилась горная долина.

— Почему? — спросила Елена.

— Потому что коррекция не соответствует критериям медицинской необходимости. Дополнительная особенность не является заболеванием, это подтвердили все специалисты, у которых вы наблюдались. Риск потенциального вреда при вмешательстве превышает предполагаемую пользу. Мы не вправе подвергать ребёнка такому риску без достаточных оснований.

— Достаточных оснований, — повторил Андрей. — Он плачет по ночам.

— Мы это понимаем.

— Он не может выключить свет. Закрывает глаза, а оно не выключается.

— Мы понимаем и это, — сказал Кравец, и в его голосе впервые прозвучало что-то человеческое. — Именно поэтому я говорю: нам нельзя торопиться.

Андрей встал. Кресло откатилось назад с мягким шорохом.

— Вы создали моего сына с ошибкой, — сказал он, и голос у него дрогнул. — А теперь объясняете мне, что не можете её исправить, потому что это опасно.

— Мы можем провести коррекцию, — тихо сказал Кравец. — Если вы настаиваете. По отдельному договору, за ваш счёт, с принятием вами всех рисков и отказом от претензий.

Елена закрыла глаза.

— Вы хотите, чтобы мы заплатили вам за исправление вашей ошибки, — медленно проговорил Андрей, — и ещё подписали, что вы ни в чём не виноваты.

— Я хочу, чтобы вы понимали все варианты, — ответил Кравец.

Андрей посмотрел на него долгим взглядом. Потом на Сомову, которая смотрела на свои руки. Потом на жену.

— Пойдём, — сказал он.

Елена поднялась. Но у двери остановилась и достала из сумки сложенный вдвое лист. Рисунок. Листья с тонкими светлыми полосками и крошечными точками по краям. Она положила его на стол перед Сомовой.

— Это нарисовал он. Говорит, так выглядит на самом деле.

Сомова взяла рисунок осторожно, как берут что-то хрупкое. Долго смотрела.

— Какие растения он рисует чаще всего? — спросила она вдруг.

Елена удивилась вопросу.

— Не знаю. Все. Листья. Траву. Цветы с кухни.

— Нина Аркадьевна, — мягко сказал Кравец, — мы сейчас о другом.

Сомова положила рисунок на стол и разгладила сгиб ладонью.

— Да, — сказала она. — Конечно.

Рисунок остался лежать между ними, пока Воронцовы выходили из комнаты.

* * *

Инга Марковна Дорн принимала в старом здании на набережной, в кабинете с высокими потолками и без единой голограммы. Бумажные папки, настоящий стол, запах кофе из настоящей турки. Андрею сначала показалось это позой. Потом он понял, что это просто привычка.

Ей было немного за сорок. Прямая спина, короткая стрижка, внимательные глаза человека, который привык слушать долго и перебивать только по делу. На стене висела единственная табличка: «Не принимаю дел, в которых не вижу, что можно выиграть».

Она выслушала их полностью. Не перебивала, не вздыхала, не сочувствовала вслух. Только иногда делала пометки на листе бумаги ручкой, которую держала в левой руке.

— Чего вы хотите? — спросила она, когда они закончили.

— Исправления, — сразу ответил Андрей.

— Чтобы ему стало легче, — сказала Елена.

— Это не одно и то же. — Дорн отложила ручку. — Суд умеет присуждать деньги. Суд может обязать компанию что-то сделать, если вы докажете, что это необходимо и возможно. А вот сделать так, чтобы вашему сыну стало легче, суд не умеет. Это разные задачи.

— То есть шансов нет? — глухо спросил Андрей.

— Шансы есть, — сказала она. — Я просто хочу, чтобы вы понимали, за что воюете.

Она взяла договор, который Андрей принёс в бумажном виде: он распечатал его в первый же вечер, сам не зная зачем. Перелистала быстро, остановилась на шестом разделе.

— Вот это место они будут цитировать, — сказала она. — «Результатом оказания услуги не является товар. Будущий ребёнок сохраняет все права личности». Смотрите, как это красиво работает. С одной стороны, они говорят: вы не покупали ребёнка, значит, нельзя требовать, чтобы он был «исправным». С другой, мы можем сказать: именно потому что у него есть права, их нарушили.

— А как вы будете формулировать? — спросил Андрей.

— Мне нужна юридическая конструкция, — сказала Дорн. — Услуга оказана ненадлежащим образом. Результат услуги не соответствует условиям договора.

— Нам выдали не то, — сказал Андрей. — Мы заказывали одно, а получили другое.

— Примерно так, — согласилась она. — Только писать я это буду иначе.

Она посмотрела на него чуть дольше обычного.

— В иске будет слово «результат». Это терминология. Вам она не понравится.

— Меня устроит любая, если она сработает.

— Я вас предупредила.

Елена молчала. Она сидела на краю стула, как тогда в клинике, и смотрела на настоящую бумагу, на настоящий стол, на пальцы Дорн, которые стучали по краю листа.

* * *

Исковое заявление было готово через неделю.

Дорн прислала его не голографической копией, а бумажным конвертом с курьером, и Елена читала его вечером на кухне, стоя у садовой стены, потому что больше негде было.

Документ был написан холодным и точным языком. Просили признать услугу оказанной ненадлежащим образом. Взыскать с «Геномики» компенсацию морального вреда. Обязать компанию устранить нежелательную модификацию за свой счёт. Все аргументы были выстроены в логичной последовательности, и Елена, дочитав до половины, подумала, что Дорн, должно быть, очень хороший юрист.

А потом на второй странице она увидела строку:

«…результат услуги, не соответствующий условиям договора, выразился в формировании у несовершеннолетнего…»

Она перечитала. Остановилась. Перечитала ещё раз.

В соседней комнате Максим сидел на ковре и рисовал. Она слышала, как фломастер скрипит по бумаге.

Андрей вошёл на кухню, увидел её лицо и замер.

— Что?

— Она назвала нашего сына результатом, — сказала Елена.

— Лена, это юридический термин.

— Он сидит в соседней комнате и рисует листья.

— Я знаю, где он сидит.

— Тогда почему она говорит о нём «результат»?

Андрей открыл рот, чтобы возразить. И не нашёл, что сказать. Он поставил на стол чашку и опустился на стул.

— Она же не это имела в виду.

— А что имела в виду? — спросила она. — Что нам выдали не то? Что он не такой, как заказывали?

— Нет.

— Тогда что?

Андрей молчал. Из гостиной донёсся тихий голос Максима: он пел что-то, одну и ту же короткую фразу, снова и снова.

— Я хочу, чтобы ему стало легче, — наконец сказал Андрей.

— Я знаю, — ответила Елена. — Я тоже. Но, кажется, мы немного по-разному об этом думаем.

Она положила иск на стол, аккуратно, как кладут что-то, что нельзя ни выбросить, ни забыть.

* * *

Дело попало в новости на следующий день. Кто-то в суде увидел регистрацию иска, кто-то из журналистов связал название «Геномика» с темой, и к вечеру сеть уже гудела. Заголовки были разные: «Родители требуют исправить ребёнка, созданного по заказу», «Ошибка в геноме: семья судится с крупнейшей компанией», «Можно ли вернуть чужой заказ?». Андрей отключил ленты. Елена перестала выходить в сад. Соседка, перегнувшись через забор, окликнула её с таким любопытным сочувствием, что у неё потом дрожали руки, когда она ставила чайник.

Иск принял к рассмотрению искусственный интеллект судебной системы, Фемида десятого поколения. Она не комментировала дело и не давала интервью, а только выпустила короткое определение. Дело принято. Назначена подготовка. Поскольку вопрос затрагивает права несовершеннолетнего, к участию привлечён орган опеки и попечительства, которому надлежит представить заключение.

Дорн, прочитав определение, кивнула и сказала:

— Хороший знак. Значит, суд будет смотреть не только на договор.

А на следующей неделе пришло сообщение от «Геномики». Коротко, без вежливых оборотов: интересы компании в процессе будет представлять адвокат Левин.

— Левин, — повторила Дорн, прочитав сообщение. Она замолчала на несколько секунд.

— Вы его знаете? — спросил Андрей.

— Знаю, кто он.

— И что это значит?

Дорн взяла ручку, подумала и положила её на стол.

— Это значит, что они собираются воевать всерьёз, — сказала она. — И что мне придётся быть очень внимательной.

4. Поручение

Утро началось с чужой проблемы, как это часто бывает в профессии, где чужая проблема является рабочим материалом.

— Доброе утро, — сказал Лекс.

Лекс был ИИ-помощником Левина: голос без лица, живущий в его рабочих системах и помнящий каждый документ, который хозяин когда-либо открывал.

— Поступило предложение о принятии поручения. Клиент: корпорация «Геномика». Предмет: иск о ненадлежащем оказании услуги по генетическому проектированию. Истцы: Андрей и Елена Воронцовы, в интересах несовершеннолетнего сына.

Левин стоял у окна с чашкой в руке. Город за стеклом жил своей обычной утренней жизнью: по эстакадам плыли беспилотные капсулы, на крышах разворачивались дроны-доставщики, а стёкла в домах напротив одно за другим темнели, подстраиваясь под поднимающееся солнце. Левин никогда не мог до конца привыкнуть к этой картине. Целый город щурился одновременно.

— Подготовь справку, — сказал он.

— Уже готова. Прямых прецедентов нет. Ближайшие по духу: споры о ненадлежащем оказании репродуктивных услуг и дела о некачественном донорском материале. Но в них, как правило, речь шла о дефекте. Здесь дефекта в привычном смысле нет.

— Что значит «в привычном смысле»?

— Экспертные заключения единогласны: дополнительная особенность не является заболеванием. Организм ребёнка испытывает перегрузку, но сам механизм работает штатно.

Левин сделал глоток. Кофе остыл.

— Дело уже принято?

— Да. Фемида по собственной инициативе привлекла орган опеки.

— Что-то ещё?

— Компания признаёт техническое отклонение от программы. Для стороны ответчика это необычно. Обычно признание ошибки откладывают до последнего.

— Вот это мне и интересно, — сказал Левин.

Он поставил чашку на подоконник и ещё минуту смотрел на город. Адвокат не выбирает клиентов по симпатии, это правило он усвоил давно. Он не мог бы сказать, какое чувство вызывает у него это дело: любопытство, тревогу или то неприятное ощущение, когда понимаешь, что сторона, которую тебе предстоит защищать, возможно, не рассказывает тебе всей правды.

— Назначь встречу с руководством «Геномики», — сказал он наконец. — Сегодня, если получится.

* * *

Штаб-квартира «Геномики» занимала башню из тёмного стекла на окраине делового района. Внутри было тихо и пусто: ни стойки, ни охраны, только мягкий голос, который встретил Левина у входа, назвал его по имени и проводил до лифта. Стены пропускали ровно столько света, чтобы не создавать ощущения замкнутости. Всё здесь было продумано.

Леонид Артурович Кравец ждал его в переговорной на сорок втором этаже. Рядом сидела женщина с усталыми серыми глазами.

— Нина Аркадьевна Сомова, главный генетик, — представил её Кравец. — Она ответит на любые вопросы о технической стороне.

— Рад познакомиться, — сказал Левин. — Я постараюсь не отнимать у вас время зря.

Он сел, не доставая ничего. Лекс уже получил все материалы и держал их наготове, но разговор Левин всегда начинал без экранов.

— Скажите мне прямо, — начал он. — Вы признаёте нарушение договора?

— Мы признаём техническое отклонение от согласованной программы, — ровно ответил Кравец. — Юридическую квалификацию оставляем суду.

— Это звучит аккуратно.

— Это звучит точно.

— Хорошо. Теперь другой вопрос. — Левин подался вперёд. — А если бы родители заказали ребёнка с дополнительной способностью видеть ультрафиолет?

Кравец чуть заметно улыбнулся: вопрос был ожидаем.

— Это была бы отдельная программа. Законодательство такие вмешательства не допускает, но если бы допускало, мы могли бы обеспечить адаптацию нервной системы.

— То есть проблема не в самой особенности, — медленно сказал Левин, — а в том, что вы не подготовили организм к её появлению?

Кравец не ответил сразу. Он перевёл взгляд на Сомову, но та смотрела в стол. Тогда он снова посмотрел на Левина, и улыбка с лица ушла.

— Именно так.

Левин опустил ладонь на стол, словно закрывая папку, которой не было.

— Тогда у нас непростое дело.

В комнате стало очень тихо. Стёкла башни пропускали солнце ровным потоком, и пылинки в этом потоке двигались медленно, как в аквариуме.

— Позвольте мне задать несколько вопросов Нине Аркадьевне, — сказал Левин.

— Разумеется. — Кравец откинулся на спинку кресла. — Но если они касаются юридической позиции…

— Они касаются медицины. — Левин повернулся к Сомовой. — Вы согласны с утверждением, что коррекция опасна?

Сомова подняла глаза. В них мелькнуло что-то, чего не выдавало остальное её лицо.

— Я согласна с тем, что коррекция недостаточно изучена, — сказала она тихо.

— Это не одно и то же.

— Нет, — согласилась она. — Не одно и то же.

— Нина Аркадьевна, — мягко вмешался Кравец, — мы, кажется, договаривались, что в рамках процесса по техническим вопросам будет говорить компания в целом.

— Конечно, — сказала Сомова. Она снова опустила взгляд, и ничего больше в этот час из неё извлечь было нельзя.

Левин отметил про себя две вещи. Первая: Сомова молчала, когда говорил юрист, и говорила, только если вопрос был адресован ей лично. Вторая: Кравец это знал и всё же позволил ей отвечать. Значит, ему было важнее, чтобы Левин увидел недосказанность, чем чтобы её не было.

— Прежде чем мы продолжим, — сказал Левин, — я хочу уточнить условия работы. Мне потребуется полный доступ к внутренним документам, относящимся к делу Воронцовых: протоколы проверки, переписка, результаты расчётов, записи совещаний. Всё, что компания создавала по этому поводу до иска и после него.

— Разумеется, — немедленно ответил Кравец.

Слишком немедленно, подумал Левин. Но вслух сказал только:

— Спасибо.

— Вы будете получать всё, что вам понадобится, — продолжил Кравец. — Мы заинтересованы в том, чтобы вы работали с полной информацией.

— Это не всегда удобно для клиента.

— Мы это учитываем.

Левин поднялся.

— В таком случае, — сказал он, — я принимаю поручение.

Они обменялись рукопожатием. Рука у Кравеца была сухая и тёплая, как у человека, которому нечего скрывать. Или которому давно привычно держать всё под контролем.

* * *

Обратно он ехал на беспилотном такси. Сидел, прислонившись затылком к подголовнику, и смотрел в окно, не вчитываясь в то, что видит.

Город за стеклом менялся. Окна домов, мимо которых они проезжали, темнели и светлели, подстраиваясь под солнце, как веки. Вывески сами регулировали яркость. Над перекрёстком проплыл дрон с коробкой и аккуратно опустил её на балкон шестого этажа. Всё в этом городе было настроено на то, чтобы человеку жилось комфортно: свет, температура, влажность, шум. Миллионы незаметных решений принимались ежесекундно, чтобы никто не заметил, что их принимают.

Он думал о мальчике, которого ещё не видел.

«Проблема не в самой особенности, а в том, что вы не подготовили организм к её появлению». Он произнёс это вслух, в переговорной, как юридическую формулу, и Кравец подтвердил её, как подтверждают факт. Но формула эта значила, что ребёнок страдает не от того, что у него есть, а от того, что есть у него без подготовки. Как если бы человека посреди ночи вывели на сцену под яркий свет и не объяснили, что ему там делать.

И теперь нужно было защищать компанию, которая допустила эту сцену.

— Лекс, — сказал он.

— Слушаю.

— Подними всё, что есть по Воронцовым. Все публичные документы, определения, новости. И отдельно — всё, что известно о Сомовой.

— Нина Аркадьевна Сомова, главный генетик «Геномики». Сорок девять лет. Последние одиннадцать лет возглавляет направление проектирования сенсорных систем. Авторы нескольких публикаций по зрительной коре. Репутация безупречная.

— Сенсорных систем, — повторил Левин.

— Да.

— Зрительный модуль входит в её направление?

— Входит.

Левин помолчал.

— Она сегодня не сказала ни слова, которое не было бы правдой, — произнёс он негромко. — Но и ни одного, которое было бы всей правдой.

— Это наблюдение или вопрос? — осторожно уточнил Лекс.

— Это просто наблюдение. Запиши.

Такси мягко остановилось у его дома. Левин вышел, постоял на тротуаре, глядя на высокие окна. Они потемнели и тут же посветлели: дом заметил его присутствие.

Он вдруг понял, что давно не видел города без этой подстройки. Без фильтров и регуляторов. Просто окно. Просто стекло.

Просто свет.

* * *

Сообщение пришло поздно вечером, когда он уже собирался закрывать рабочие экраны. Без подписи, без темы, с адреса, которого не было в списке контактов. Всего одна строка:

«Я бы хотела когда-нибудь поговорить с вами не как с адвокатом компании. Н. С.»

Левин долго смотрел на экран.
— Ответить? — спросил Лекс.
— Нет, — сказал Левин. — Пока нет.
Он погасил экран. Потом, подумав, спросил в темноту:
— Как ты думаешь, «когда-нибудь» — это когда?
Лекс помолчал положенную долю секунды.
— Когда это станет возможно, — ответил он.
— Это почти точный ответ, — сказал Левин. — Только он ничего не объясняет.

5

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.